

Н.С. Гурджян, Л.А. Гапон, М.В. Джагарян

**Когнитивный конфликт в речевой ситуации
в английском и испанском языках
(дискурсивный и интерперсональный аспекты)**

Рассмотрение поведенческих характеристик сквозь призму языка представляет собой условное сведение всех типов значения в единую картину мира, фиксируемую национальным языком. Язык в данном случае выступает в качестве аналога человека в процессе речевой деятельности.

Речевая деятельность, как известно, строится главным образом на использовании иерархически организованных коммуникативных единиц: речевых актов, речевых обменов и их последовательностей. Исследование ономаσιологического аспекта, основанного на интенциональной направленности речевых действий, позволяет составить картину национального речевого поведения в рамках категориальной ситуации когнитивного конфликта.

Термин «языковое поведение» частично входит в понятийное поле термина «коммуникативное поведение», впервые использованного в работе И.А. Стернина и др. [5]. Коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, иными словами, реальную коммуникативную практику. Языковое поведение включает в себя не только описание и лингвистический анализ особенностей реального речевого общения, но и выяснение роли языковых структур в формировании языковой компетенции говорящего на национальном языке. Язык как виртуальная система органически связан с его речевой реализацией. Термин «языковое поведение» позволяет объединить статическую и динамическую ипостаси языка.

Языковое поведение в значительной мере обусловлено конвенциональностью грамматических и лексических значений национального языка, а также интегрированной в них прагматикой [1].

Языковое поведение всегда направляется определенным понятийным полем и во многом зависит от степени разработанности концептуального аппарата национального языка. Содержание лексического состава языка в значительной степени формирует приоритеты восприятия действительности. Так, английский язык, выделяя разновидности понимания с помощью значений глаголов *understand*, *realize*, *comprehend*, *conceive*, *be aware of/that* наталкивает носителя языка на множественный тип обобщения. Русский язык в этом плане не дифференцирует ви-

довые эпистемологические различия с помощью лексического состава, имплицитно тем самым единый тип классификации (понимать).

Тенденции поведения, так же как и ментальные представления, связаны с определенными группами психических явлений, в той или иной мере присущих языковому сообществу, в значительной степени формируемых лексическими, грамматическими и прагматическими значениями данного языка.

Рассмотрим последовательно манифестации когнитивного конфликта в **речевых системах** английского и русского языков на основе описанных выше моделей речевого взаимодействия (речевое поведение), а затем **языковые средства реализации** К^{ог}К в сопрягаемых лингвокультурах (языковое поведение).

Как следует из вышеизложенного, в процессе коммуникации происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний, полученных индивидом в результате его взаимодействия со средой и с самим собой. Процесс общения можно представить как постоянное соотношение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий» [4: 51]. Коммуникативные цели – это намерения, придающие осмысленность обращению коммуниканта к своему партнеру. По сути, каждое высказывание – это средство воздействия на окружение (на партнера и через него – на другие элементы действительности, физические или ментальные). Как отмечает Б.Ю. Городецкий, практические цели осуществляются через посредство коммуникативных целей. И те и другие могут быть в пределах фиксированного коммуникативного акта стратегическими или тактическими. Например, стратегической практической целью коммуникантов, по мнению Б.Ю. Городецкого, может быть выполнение определенной производственной операции, выяснение причины взрыва, выработка приемлемого для обеих сторон определения некоторого понятия, стремление как можно больше разодрать друг друга и т.д. Тип стратегической коммуникативной цели каждого коммуниканта может представлять собой следующие коммуникативные акты: информирование, разъяснение, инструктаж, проверка знаний, уничтожение, спор в поисках истины, совместное вспоминание и т.д.

Примером, когда практические цели предопределяют коммуникативные цели и задачи, является особый тип речевого взаимодействия – речевая конфронтация, или пикировка («обмен колкостями, язвительными замечаниями» – «от франц. *se ripiquer*» – СЛРЯ, III: 122; ср. англ. *wrangle* – CFE: 631; БАРС: II, 809 и т.д. – см. Список использованных словарей).

Исследование показало, что речевая конфронтация не принадлежит ни определенному типу речевого жанра (по определению Т.В. Шмелевой), ни определенному типу диалога (по определению Н.Д. Арутюновой).

Унисон имплицитно подразумевает искренние признания и взаимные комплименты, диссонанс принимает форму ссор и выяснения отношений. На его почве формируются «судейские» пропозициональные установки, такие как обвинение и оправдание, разоблачение и прощение, претензии и упреки. Текст такого диалога предполагает маркировку реплик по их отношению к обвинению или к защите. Официальной формой диалога-1 является судебное расследование, вырожденной формой – скандалы, пикировка, говорение колкостей, перебранка. На почве диалога-1 развивается деонтическая модальность. Исследование показывает, что в зависимости от степени регламентированности речи (институциональности) устанавливается определенная градуальная зависимость между типом диалога и степенью речевой конфронтации. Так, в судебном следствии диалог-1 (interpersonal-relations discourse) может по форме приближаться к диалогу-2 (make-believe discourse)

(2) «*And thou*», Pablo said bitterly. «With your head of a seed bull and your heart of a whore. Thou thinkest there will be an afterwards from this bridge? Thou hast an idea of that which will pass?» (EHF: 86)

– Эх ты! – с горечью сказал Пабло. – У тебя мозги племенного быка и сердце шлюхи! Ты надеешься на «после». Ты имеешь какое-нибудь понятие о том, что это будет? (ЭХП: 30)

или диалогу-3 (make-know discourse):

(3) ‘**Did you walk, William?**’ she said, almost reproachfully, as she kissed her husband. ‘**I didn’t think of it,**’ he answered, with a glance at his nephew. (MHB: 15)

«– **Ты шел пешком, Уильям?** – спросила она с укором, поцеловав мужа. – **Я не подумал, что для него это далеко,** – ответил тот, взглянув на племянника». (МБС: 4)
(причина упрёка – больная нога мальчика)

(4) ««You know what you are charged with, Mr. Griffiths, of course». «Yes, sir, I just heard it from this man here». «And **you admit it?**» «**Why, no sir, of course I don’t admit it,**» replied Clyde ...». (DA: 321)

«– Вы, конечно, знаете, в чем вас обвиняют, мистер Гриффитс? – Да, сэр, мне только что сказал вот этот человек. – **И вы признаете себя виновным?** – **Конечно, нет, сэр!** – возразил Клайд». (ДА: 653)

Максимальную выраженность речевая конфронтация получает в нерегламентированном повседневном споре, склоке, перебранке:

(5) ««What's your name?»
«*Tisn't any of your business, maybe*».

«*Well, I 'low I'll make it my business*».

«*Well, why don't you?*»

«*If you say much I will*».

«*Much – much – much! There now*».

«*O, you think you're mighty smart, don't you? I could lick you with one hand tied behind me, if I wanted to*». (ТМ: 12)

«– Как тебя зовут?

– *А тебе какое дело?*

– *Вот я покажу тебе, какое мне дело!*

– *Ну, покажи. Отчего не показываешь?*

– *Скажи еще два слова – и покажу.*

– Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе! Ну!

– *Ишь какой ловкий!* Да если бы я захотел, я одною рукою мог бы задать тебе перцу, а другую пусть привяжут мне за спину». (ТМ: 24)

Причем, как отмечает Ж. Пиаже, онтологическому развитию дискурсивной способности соответствуют три стадии и три типа разговоров между детьми от четырех до семи лет: коллективный монолог, ссора (или примитивный спор) и настоящий спор. Разговор, т.е. полноценное общение, имеет место тогда, когда минимум три последовательных высказывания, произнесенных по меньшей мере двумя собеседниками, относятся к одному и тому же предмету. Стадии развития дискурсивной способности показывают обратную корреляцию между беспредметным коллективным монологом (полная несогласованность когнитивных программ) и вытекающей из него ссорой (эмоциональная спонтанная попытка преодоления когнитивного рассогласования) и настоящим спором, т.е. попыткой согласования когнитивных программ через интерперсональную стратегию утверждения своей собственной когнитивной модели.

В применении к сопоставлению институционально регламентированной (деонтологической) речи и спонтанного общения можно обнаружить также обратную зависимость между *ratio* и *emotio*. Средства эмоционального воздействия выступают маркированным элементом институционального (например, судебного) дискурса (ср. пример 4):

(6) «You know what you are charged with, Mr. Griffiths, of course».

«Yes, sir, I just heard it from this man here». «*And you admit it?*» «*Why, no sir, of course I don't admit it*», replied Clyde his thin and now white lips drawn tight over his even teeth, his eyes full of a deep, tremulous yet evasive terror.

«**Why, what nonsense! What effrontery! You deny** being up to Grass Lake and Big Bittern on last Wednesday and Thursday?»

(DA: 321).

«– Вы, конечно, знаете, в чем вас обвиняют, мистер Гриффитс? – Да, сэр, мне только что сказал вот этот человек. – И вы признаете себя виновным? – *Конечно, нет, сэр!* – возразил Клайд. Его тонкие, теперь побелевшие губы, плотно сжались, глаза были полны невыразимого, глубоко затаенного ужаса.

– **Что? Какая чепуха! Какая наглость! Вы отрицаете**, что в прошлую среду и четверг были на Луговом озере и на Большой Выпи?»

(ДА: 653).

В отличие от коммуникативной неудачи, речевая конфронтация не предполагает изначального коммуникативного сотрудничества. В силу особых отношений между коммуникантами (деятельностная ситуация) речевая конфронтация сродни военным действиям: она предполагает конфликт как условие своего существования. Причем, этот конфликт основан прежде всего на К^{ор}К, проявляющемся как в повседневной, так и в институциональной речи:

(7) «I don't care to say as to that», he replied, blinking feebly as Mason waved Roberta's letters before him.

«*Tst! Tst! Tst! Of all things*», clicked Mason in high dudgeon. «*Such nonsense! Such effrontery!*» (DA: 325)

«– Я не желаю об этом говорить, – ответил Клайд, невольно мигая, оттого что Мейсон размахивал перед ним письмами Роберты.

– *Ну, знаете ли!* – Мейсон в ярости прищелкнул языком. – *Какой вздор! Какая наглость!*» (ДА: 659)

К^{ор}К может возникать на разных уровнях речевой ситуации в силу нарушения коммуникативных принципов речевого взаимодействия, ведущих к нарушению релевантности речевого вклада собеседника (см. выше – Таблица 1): – на уровне внешней формы (канал связи, интенсивность и т.д.):

(8) «– *He opu*, Храпугина. Просто работать нет возможности, – говорила женщина за столом, представительница райсовета, выбранная на собрании председательницей». (ПЖ: 310)

– на уровне внутренней формы (форма подачи и оценки содержания):

(9) «Do you remember it's Good Friday?»

He said hollowly, 'The dirty Romans are forming up for Calvary.' 'Don't be sacrilegious'».

(SW: 7)

«— А ты помнишь, что сегодня Великая Страстная пятница?»

Он забубнил: — *Подлые римляне по команде выстраиваются у подножия Голгофы.*

— *Перестань кощунствовать*». (СЗ: 3)

Таким образом, исследование показывает, что речевые манифестации когнитивного конфликта реализуются в рамках интенциональных стратегий, направленных на решение задач по идентификации референта, согласования когнитивных программ собеседников, а также для интеракциональных стратегий воздействия, убеждения (аргументации) и оценивания и корректировки как речевого, так и неречевого поведения взаимодействующего партнера. Для реализации этих стратегий говорящие используют средства, предоставляемые языковым арсеналом. Эти средства можно объединить в единое функциональное поле К^{от}К, имеющее свои особенности в сопоставляемых – английском и русском – языках.

При наличии определенного инварианта (нормы) в представлении об окружающей действительности концептуальные схемы, или программы, коммуникантов могут значительно расходиться как в целом, так и в определенных частностях. Поэтому лексическое ядро ФСП К^{от}К в обоих языках составляют эпистемические предикаты широкого лексико-семантического диапазона ментальности. В качестве типологического расхождения между ядерными (перформативными) элементами ФСП К^{от}К в рассматриваемых языках можно представить корреляцию английского глагола *to see* и русского глагола *понимать* как наиболее частотных маркеров когнитивного конфликта в английском и русском языках. Это объясняется большей значимостью перцептивных модулей восприятия (*to see, to realize, to know, to remember, etc.*) для анализа информации в западноевропейском языковом стандарте, и преобладанием роли центральной когнитивной системы обработки информации для русской лингвокультуры (*понимать, думать, полагать*).

Концептуальная схема говорящего базируется на способности человека интерпретировать, т.е. приписывать значения различным проявлениям окружающего его мира. Рефлексия, вмешивающаяся в процесс «передачи» когнитивного множества, усложняет субъект-объектные отношения оценочными модусами. Для обоих языков характерны контексты отрицания как маркеры негативной когнитивно-модусной программы.

Возражение как контраргументация и как агональная (конфликтная) межличностная стратегия выражается речеактовыми проявлениями К^оК в обоих сопоставляемых языках. От степени совпадения двух картин мира зависит степень принятия или непринятия концептуальной программы другого, т.е., в конце концов, степень понимания и взаимопонимания. В иллокутивном и интерперсональном планах универсальным для двух языков является номенклатура речевых актов, связанная с манифестацией таких интенциональных состояний, как удивление, недоумение, злоба, ненависть, зависть, ревность, раздражение, сожаление, презрение и т.д., и может рассматриваться как необходимое условие успешности ряда речевых актов, таких как упрек, возражение, протест, увещание, укор, угроза, запрет и т.д.

Эмоциональность в реализации интерперсонального аспекта речевого взаимодействия свойственна обеим лингвокультурам. Инвективы, проклятья, обценные интеръективы составляют ядро интерперсональных маркеров К^оК в обоих языках.

В дискурсивном плане К^оК коррелирует с понятием коммуникативной неудачи, отличаясь от последней несколькими характеристиками: когнитивный конфликт может возникать как внутриличностный конфликт, имеющий свои манифестации во внутренней или внешней речи, обращенной или не обращенной к партнеру по когнитивной трансакции (имплицитность); манифестации в субъект-субъектной речевой интеракции; когнитивный конфликт может возникать как интенциональное (намеренное) речевое поведение, и его осознанное осуществление со стороны говорящего связано, скорее, не с непониманием, а с отрицанием, несогласием со стороны собеседника; когнитивный конфликт предполагает диалог, развитие, стремящееся либо к разрешению, либо к фронтационному взрыву.

В речевом взаимодействии столкновение «концептуальных миров» вызывает речевые стратегии и тактики противоречия и контраргументации. Расхождение в когнитивных программах собеседников порождает когнитивный конфликт на уровне отношения субъекта к объекту (внутриличностный конфликт) и на уровне отношения субъекта к субъекту (межличностный конфликт). Соотнесенные с временным планом, такие модальные программы могут выступать как аксиологические модели прошлого или будущего (положительный возможный мир / отрицательный возможный мир) и выражаться речевыми актами либо сожаления или упрека, либо пожелания/разрешения или угрозы/запрета.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря. Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
3. Йокояма О. Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса. М.: Наследие, 1998.
4. Седых А.П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы // Филологические науки. 2004. № 3.
5. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003.